

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.Г. ЮДИНА

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070000316-4

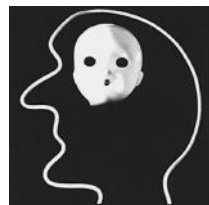
И.И. Ашмарин

Одна из заметных страниц научного творчества Бориса Григорьевича Юдина была связана с разработкой концепции человеческого потенциала. Этот проект начался более двадцати лет назад, но не потерял своей актуальности и сегодня.

Приведем основные положения и цели концепции человеческого потенциала: “Человеческий потенциал — понятие, номинирующее концепцию устойчивого человеческого развития, которая возникла в 90-е годы в мировой и отечественной литературе и имела цель сформировать такое интегральное представление о человеке, которое, с одной стороны, могло бы быть проработано аналитически (а значит употребляться достаточно строго) и, с другой стороны, было бы операционализируемым.” [2, с. 430] Сразу отметим, что ранее, точнее, в 1960–80-е годы, уже предлагались близкие теории с похожими целевыми ориентациями: например, концепции человеческих ресурсов, человеческого капитала, уровня жизни, качества жизни. Для своего времени они были вполне продуктивны и содержательны. Вместе с тем необходимо отметить, что первые два конструкта вольно или невольно трактовали человека с точки зрения общественного воспроизводства. Две другие, напротив, рассматривали его в основном как “субъекта потребления”. Концепция же человеческого потенциала включала в себя оба эти аспекта, будучи интегральной по отношению к другим подобным концепциям.

Эта интегративность [4, с. 10] была эксплицирована следующим образом: “Принятое за отправное в данной работе понятие человеческого потенциала переопределяется:

- в социально-организационном горизонте — как человеческие ресурсы,
- в экономическом горизонте — как человеческий капитал,
- в социально-экологическом — как жизненный потенциал (общая жизнеспособность),

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Ашмарин
Игорь
Иванович —**

старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат физико-математических наук, доцент. Постоянный автор журнала. E-mail: ygr-h@yandex.ru

- в рационально-технологическом — как интеллектуальный потенциал,
- в экзистенциальном, духовном — как личностный потенциал.”

По предложению Бориса Григорьевича (бывшего тогда заместителем директора Института человека РАН) в 1997 году комплекс исследований, включающих разработку и практическое приложение основных положений концепции человеческого потенциала, определил одно из основных научных направлений Института человека; была создана научная группа “Человеческий потенциал”. За это время работы над темой по тематике человеческого потенциала было подготовлено несколько масштабных публикаций, в частности изданы четыре коллективные монографии [1; 3; 4; 6],

Одна из важных задач проводимых исследований заключалась в интеграции в мировые тренды, в частности, в разработки, проводимые в рамках Программы развития ООН (ПРООН)¹. Начиная с 1990 года ПРООН публикует ежегодные “Доклады о развитии человека” по всем странам, а с 1995 года — “Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации”. В этих документах был введен некий количественный критерий — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он был существенно более объемным, чем традиционно использующиеся при оценках общего состояния той или иной страны экономические параметры, как например, годовой среднедушевой доход. ИРЧП рассчитывался на основе трех показателей:

- а) индекса ожидаемой продолжительности жизни;
- б) индекса уровня образования, измеряемого как комбинация уровня грамотности взрослого населения (со статистическим весом в 2/3) и доли граждан в возрасте до 24 лет, обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях (с весом в 1/3)²;
- в) уровня жизни, измеряемого на базе реального валового внутреннего продукта на душу населения.

Введение четко заданного параметра для количественного анализа трудно формализуемых понятий и явлений уже само по себе представляет несомненную научную ценность. В данном же случае использование количественной меры позволяло решать конкретные практические задачи. Кроме того, ограниченность компонентного состава ИРЧП и простота его расчета придавало ему свойство универсальности и позволяло сравнивать по нему самые различные страны — на одной оси можно было, например, поместить Эфиопию, Гаити, Россию, Японию, Канаду и т.д. Благодаря этому доклады ПРООН были признаны в международных политических и научных кругах. Борис Григорьевич установил тесные контакты с Представительством ПРООН в России. В результате Институт человека получал ежегодные “Доклады о развитии человека” по всем

¹ ПРООН — вне-структурная организация при ООН по оказанию помощи странам-участницам в создании учебных заведений, в развитии энергетических ресурсов, предоставлении консультационных и экспертных услуг, обучении специалистов, поставке оборудования и т. д.

² Максимально возможное значение индекса было принято равным единице.

странам и “Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации”, а также регулярные приглашения на различные мероприятия ПРООН и ООН, связанные с тематикой человеческого потенциала. Это, естественно, обеспечивало заметную информационную широту “кругозора” Института человека в рассматриваемой сфере. Кроме того, и это особенно важно, базовые концепции, лежащие в фундаменте Докладов ПРООН и соответствующих исследований, проводимых в Институте человека, совпадали во многих смысловых конструкциях.

И здесь хочется выделить один из аспектов этих исследований. В своих работах Борис Григорьевич неоднократно подчеркивал, что едва ли не главным целевым вектором концепции было раскрытие представления о *самоценности человека*. В одной из своих работ он писал: «Обращаясь к изучению проблематики человека, мы уже на первом шагу сталкиваемся со сложнейшей теоретической и методологической проблемой, которая заключается в неопределенности, а может быть даже и принципиальной неопределимости понятия “человек”». И далее: «В силу сказанного будем рассматривать данное понятие, скорее, как идеальное, как “регулятивную идею” в смысле Канта, чем как рабочий инструмент. В этом последнем качестве мы используем понятие “человеческий потенциал”. По сути дела, речь идет об инструменте, который позволял бы “навести мосты” между философскими размышлениями о сущности, предназначении человека, о смысле его жизни и т.п., с одной стороны, и многообразными конкретно-научными разработками, направленными на описание, оценку, прогнозирование возможностей и перспектив существования и реализации возможностей человека, с другой» [6, с. 6–7].

В этом смысле концепция человеческого потенциала олицетворяла такой подход к проблеме человека, который с максимальной полнотой раскрывал бы не только самоценность человека, но и его базовые характеристики и динамику его потенциала. При этом из основных положений концепции следовало, что личностный потенциал *органично и прочно* был связан с интегральным потенциалом общества. В контексте настоящей статьи важно отметить, что основной концептуальной и методологической характеристикой такого подхода был *комплексный, междисциплинарный принцип*, который Борис Григорьевич пытался представить в исследованиях в различных модусах.

* * *

Отмеченная выше органическая связь личностного потенциала и интегрального потенциала общества, позволила Институту человека выполнить поддержанный Российским гуманитарным научным фондом проект “Комплексное исследование человеческого потенциала современной России” (2000–2002). Проект базировался на концепции человеческого потенциала и был по-

священ исследованию состояния и перспектив его развития в России в условиях глубоких трансформаций общества и государства.

Тема была весьма актуальна, поскольку к тому времени сложилась устойчивая тенденция считать едва ли не единственной причиной кризисного состояния современной России негативные процессы в сфере экономики (заметим, что обозначенная тенденция сохранилась и до нынешних времен). В определенной мере это справедливо, однако такое понимание нельзя считать исчерпывающим, поскольку на втором плане при этом остается человеческое измерение кризисных явлений. Такие привычные характеристики, как, например, благосостояние общества, являются скорее вторичными признаками, описывающими его устойчивое развитие, чем исходными критериями. Особенно это важно для решения таких проблем, как состояние физического и психического здоровья населения, его культурно-образовательный уровень, ожидаемая продолжительность жизни.

Для решения этих и многих других проблем даже имеющиеся экономические ресурсы могут использоваться существенно эффективнее, если во главу угла будет поставлено именно человеческое измерение экономики, политики и других сфер общественной жизни. Поэтому основой подхода к проблеме, поставленной в проекте, была разработанная концепция человеческого потенциала, которая, в качестве базовой оптики использовала представление о самоценности человека.

Одним из основных направлений проекта (им руководил Б.Г. Юдин), было рассмотрение проблемы интеллектуального компонента человеческого потенциала современной России. Эта задача была выполнена в рамках подготовки и проведения Институтом человека РАН Всероссийской конференции “Человеческий потенциал России и его интеллектуальная составляющая” (2000). Подготовленные доклады обрисовали комплексную, междисциплинарную проработку следующих вопросов:

- потенциал личности как фактор ее самореализации и как ценность ее жизни;
- потенциал страны как характеристика ее инновационных возможностей в различных сферах общественной жизни;
- методологические проблемы изучения и измерения человеческого потенциала и его интеллектуальной составляющей;
- анализ общестатистических и демографических данных;
- интеллектуальные аспекты ценности жизни индивида и устойчивого развития общества;

• социокультурные компоненты человеческого потенциала.

На основе материалов конференции была выпущена уже упоминавшаяся коллективная монография “Человеческий потенциал: интеллектуальное, социальное, культурное измерение” [6].

Здесь будет уместно процитировать одну из более поздних работ Бориса Григорьевича: “*Все то, что ведет к разрушению*

и деградации имеющегося в стране человеческого потенциала, несомненно, противоречит интересам не только самой личности, но и общества, и государства. И напротив, все то, что способствует его сохранению и развитию, ведет к укреплению и обществу, и государства» [3, с. 10]. Эта почти афористическая фраза может служить своеобразным эпиграфом и для конференции, и для проекта “Комплексное исследование человеческого потенциала современной России”, и для научного творчества Бориса Григорьевича — по крайней мере, в период, который описывается в настоящей статье.

Но вернемся к проекту. В ходе его выполнения была создана методика комплексного исследования проблемы сохранения, развития и реализации человеческого потенциала на личностном уровне. Разработана анкета для социологического исследования — оценки респондентами уровня их самореализации, условий и качества их жизни (здоровья, образования, материального положения). Здесь уместно отметить следующее. К описанию **всех** исследований, коллективных монографий, конференций и т.п., можно добавить *фразу-почти-клише* “под научным руководством Б.Г. Юдина”. Но присваивать этой фразе статус *клише* видится просто неуместным. Борис Григорьевич не принадлежал к тому типу руководителей, который раз в неделю выслушивает отчеты своих сотрудников, изрекает парочку мудрых мыслей, а потом отпускает их выполнять задания. Он принимал реальное участие в работе на каждой стадии как теоретических исследований, так и практических действий. В частности, он вникал в детали социологических анкет, “прокачивая” трудности, с которыми придется столкнуться в “поле”.

* * *

Вернемся снова к проекту. Конкретные человековедческие цели и характеристики концепции человеческого потенциала должны были позволить не только выстроить ее теоретический каркас, но и осуществить в реальной социальной среде апробацию ее основных положений. Поэтому среди заявленных задач проекта был следующий пункт: “разработка региональных аспектов человеческого потенциала и проведение соответствующих модельных исследований”.

Именно на этой основе по инициативе Б.Г. Юдина была реализована программа научно-практического сотрудничества между Институтом человека РАН и администрацией Парфеньевского района Костромской области³. Ее целью было рассмотрение теоретических и прикладных проблем человеческого потенциала применительно к конкретной территории. Во главу угла было поставлено благополучие, интересы и права рядового человека, особенно с учетом того, в какой мере окружающие условия способствовали сохранению и развитию его потенциала. Заметное внимание было уделено факторам риска, особен-

³ В силу ряда обстоятельств Борис Григорьевичу были немного знакомы эти края.

но их профилактике. В ходе реализации программы группа сотрудников Института человека во главе с Б.Г. Юдиным изучала самые различные аспекты жизни Парфеньевского района — его историю, экономические, социальные, культурно-образовательные условия. Среди жителей района было даже проведено пилотажное социологическое обследование. Его цель — изучение состояния и развития человеческого потенциала людей, живущих в типичном провинциальном регионе.

Несмотря на пилотажный характер обследования, была статистически значимо выявлена “взаимосвязь между некоторыми психологическими качествами, присущими жителям Парфеньево, и их удовлетворенностью собственной жизнью. Так, для удовлетворенных жизнью людей была характерна более высокая оценка собственной активности, ответственности за свою жизнь, самоуважения, оптимизма, настроения и любознательности” [5, с. 174]. Кроме того, у парфеньевцев была отмечена тенденция принимать на себя ответственность за свое поведение, достижения, успехи и неудачи, рассматривать здоровье как условие для полноценной жизни, развития и самореализации, используя собственный потенциал для его сохранения и укрепления.

Основные ценностные ориентиры парфеньевцев отразились в ответах на вопрос анкеты “Что наиболее важно для Вас в жизни?”. Интересно, что главное в жизни респондентов — это хорошее образование для детей и безопасность семьи. А заработок — на втором месте. Причем, если одним нужна высокооплачиваемая работа, то для других было важно иметь небольшую, но гарантированную зарплату или пенсию, получаемую вовремя. Для многих не последнюю роль играли медицинское обслуживание и экологические условия, а также получение образования для себя. Политическая активность парфеньевцев невелика, возможность свободно выражать свое мнение и выбирать власть занимала в иерархии ценностных предпочтений последнее место. В целом картина оказалась типичная для российского Нечерноземья.

Совместно с администрацией Парфеньевского района был разработан проект создания реабилитационно-образовательного центра для несовершеннолетних. Проектом предусматривалось не лишать пьющих родителей родительских прав, не отправлять их детей за пределы района в областные детские дома, а приобщать к труду, давать им социально полезную профессию, контролировать их учебу.

Итогом реализации программы сотрудничества было издание книги [5]. Важно, что многие статьи были написаны самими парфеньевцами, почувствовавшими возможности выйти за рамки повседневной текучки. Так, глава органа самоуправления Парфеньевского района Н.Н. Петров в своем обращении “К читателям” писал: “Разработка конкретных практических программ, направленных на повышение уровня человеческого

потенциала Парфеньевского района, может стать, с одной стороны достойным завершением данного научного исследования, а с другой — искомой живительной связкой теории с практикой. (...) Наша цель — *использовать авторитет ученого* для привлечения внимания широкой общественности к существующим внутри района проблемам, для оказания нам помощи и поддержки в реализации этих научно разработанных программ и проектов”. [5, с.5]. Продолжение этой программы сотрудничества требовало дополнительного и более значительного финансирования. Однако ни у Института человека, ни у Парфеньевского района не было для этого необходимых ресурсов. Тем не менее, одна из основных задач была выполнена — было показано, что концепция человеческого потенциала может “работать” в реальном социальном пространстве.

Естественным продолжением разработки основных положений концепции человеческого потенциала было рассмотрение ее проблематики в контексте инновационного развития России — в частности, в непосредственной связи с потенциалом студенческой молодежи, а именно с ее реальной подготовленностью к участию в инновационной деятельности.

Проблема инновационного развития России обрела к тому времени статус критической. Собственно говоря, понятие инновационного развития — по крайней мере, в советский период — еще не было толком осознано. Причин тому две. Во-первых, рынок, как необходимый компонент инновационного пространства, в стране с плановой экономикой появиться в принципе не мог. Во-вторых, практически единственным потребителем инновационной деятельности был военно-промышленный комплекс, который был самодостаточной замкнутой системой внутри государства. Эта замкнутость и гигантские капиталовложения в нее, с одной стороны обеспечивали в ней высокие темпы развития, с другой — полностью отчуждали от ее плодов все, что не было непосредственно связано с военными заказами. Такое отчуждение было усилено необходимой секретностью, которой всегда окружено любое военное производство. В нулевые годы этого века государство осознало, что инновационным должно быть не только военное производство, но и вся экономика страны в целом. Был провозглашен курс на инновационное развитие страны. Это с неизбежностью потребовало нового отношения к науке, к подготовке новых научных кадров и, соответственно, к новому восприятию понятия *интеллектуального потенциала*, как компонента человеческого потенциала в целом — особенно потенциала студенческой молодежи. Такое восприятие отчетливо было отражено в работах Б.Г. Юдина: “Последние десятилетия прошлого века основательно изменили жизнь человека и общества. Выдающиеся научные достижения стали обрушиваться на человечество буквально лавиной; при этом действующие в современном

обществе социально-экономические механизмы позволяют в кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новейших технологиях, а затем и в товарах и услугах, адресованных самым широким кругам потребителей. Появляются все новые средства общения между людьми, новые социальные институты, даже совершенно новые области человеческой деятельности, и все это радикально трансформирует саму ткань общественной жизни.” [1, с.11]. И далее: “И здесь-то понятие интеллектуального потенциала обнаруживает свою значимость. Обеспечивая людям возможность получать качественное высшее образование, общество повышает и их, и свой собственный интеллектуальный потенциал. И, вообще говоря, чем богаче тот интеллектуальный потенциал, которым располагает общество, тем более эффективно будут решаться самые разнообразные задачи, с которыми ему придется сталкиваться. Вместе с тем эта эффективность будет выше там, где люди воспринимают и решают эти задачи как личностно значимые, а не просто навязанные кем-то извне” [1, с.14].

Все вышесказанное было заложено Б.Г. Юдиным и его сотрудниками в проекте “Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи”, (2006–2008). Проект был направлен на комплексное исследование человеческого потенциала молодежи как ресурса для инновационного развития России. Одна из главных целей — исследование факторов, определяющих этот потенциал — самосознание, ценностные ориентации, возможности самореализации, отношение к образованию, здоровье — и соответствие этих факторов запросам инновационной системы [1].

Перечисленные факторы легли в основу анкеты. Помимо прочего, последняя была призвана определить отношение респондента к роли науки в жизни общества, к условиям, которые могут способствовать или препятствовать привлечению молодежи к творческой деятельности в инновационной сфере, что является важной составляющей готовности России к инновационному пути развития. Также ставилась проблема выявления личностных качеств, которые способствуют формированию положительного отношения к инновациям, ценностных ориентаций на получение образования и освоение новых форм деятельности. Полевые исследования проводились в МГТУ им. Н.Э.Баумана и в Кабардино-Балкарском госуниверситете. Анализ результатов показал, что, по крайней мере, в рамках пилотажной выборки студенческая молодежь вполне удовлетворительно представляет себе объективные и субъективные факторы, влияющие на инновационное развитие России.

Была показана необходимость формирования массовой технологической культуры в условиях инновационного развития. Если раньше такая культура была профессионально значима только для разработчиков, то теперь сами пользователи имеют дело с технологиями, часто самостоятельно производя

новый продукт (в самом широком смысле слова). Это может быть информация, новые личностные или когнитивные качества, лучшее здоровье, новый стиль общения, формы управления и т.п. То есть технология выступает в качестве нового средства деятельности. Как производство, так и освоение новых технологий невозможно без “погружения” их в гуманитарный контекст, в котором выявляются их соответствия или несоответствия задачам развития и реализации человеческого потенциала, в частности, и молодежи. В этой связи были проанализированы новые функции гуманитарных наук в структуре становящегося общества знаний.

По близкой тематике было проведено еще одно социологическое обследование в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ [1, с. 80–125]. В нем решались следующие задачи:

оценки возможностей реализации человеческого потенциала молодежи в условиях инновационной стратегии; оценка факторов, благоприятствующих или препятствующих вовлечению молодежи в инновационные процессы; выявление взглядов студентов на особенности инновационного развития; отношение к внедрению инновационного продукта; определение отношения к высшему образованию; анализ представлений о культурном человеке; изучение отношения студентов к науке, к ее фундаментальным и прикладным направлениям; изучение взаимосвязи между психологическими особенностями (самооценка, мотивация, креативность, познавательная потребность и т.д.) студентов и условиями, необходимыми по их представлениям для привлечения молодежи к инновационной деятельности; выявление тех личностных качеств, которые способствуют формированию ценностных ориентаций на получение образования и освоение инновационных форм деятельности; анализ влияния направленности личности студентов на формирование представлений об инновационной стратегии развития страны.

В целом итоги исследования можно свести к следующим положениям:

- Респонденты (студенты МИФИ) в основном готовы к участию в инновационном процессе, вполне удовлетворительно понимая как его сущность, так и требования, которые он предъявляет к комплексу качеств его участника как личности.
- Формирование представлений студентов об инновациях зависит от уровня развития личности, то есть выбора мотивационных структур и их направленности.
- Приоритетными для опрошенных являются мотивы дела, стремление к познанию; материальные соображения на данном этапе не играют лидирующую роль.
- Они осмысленно воспринимают высшее образование как фактор, определяющий уровень профессионализма и профессионального кругозора, но не только как условие приобретения конкретной специальности. В объеме знаний, необходи-

мом, по их мнению, для инновационной деятельности, важная роль принадлежит фундаментальному знанию.

- Гармоническое развитие личности студенты рассматривают как базовый признак культурного человека, которому свойственно присутствие нравственного начала.

Эти результаты показали, что формирование у студенческой молодежи представлений об инновациях и отношения к различным сторонам инновационного процесса включено в процесс личностного развития.

* * *

Подводя итог всему изложенному, хочется сказать следующее. Работы Б.Г. Юдина, посвященные разработке концепции человеческого потенциала, внесли неоценимый вклад в современные науки о человеке. Эта концепция фактически определила новую оптику для взгляда на проблему человека — и концептуально, и методологически. Можно уверенно сказать, что ее основные положения актуальны до сих пор.

Так, например, в концепцию имманентно включено целостное представление о человеке. Отсюда с неизбежностью следует представление о целостной совокупности действия на человека всех возможных факторов риска, представляющих для него потенциальную опасность. А это, в свою очередь, послужило одним из оснований для введения в научную и социальную практику понятия *гуманитарной экспертизы*, столь важной на нынешнем этапе бурного развития новых наукоемких технологий. Заметим, что в разработку этого понятия Борис Григорьевич также внес заметный вклад [4, с. 39].

К сказанному хочется добавить: научный гуманистический пафос обсуждаемых выше работ Б.Г. Юдина обязательно будет определять интенциональность работ других исследователей, так или иначе связанных с изучением проблемы человека. Думаю, эти слова можно отнести ко всему научному творчеству Бориса Григорьевича Юдина.

Литература

1. Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи // Под ред. Б.Г. Юдина. М.: Институт философии РАН, 2008.
2. Человек. Философско-энциклопедический словарь // под общей ред. И.Т. Фролова. М.: Наука, 2000.
3. Человеческий потенциал как критический ресурс России // под ред. Б.Г. Юдина. М.: Институт философии РАН, 2007.
4. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода // под ред. И.Т. Фролова. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
5. Человеческий потенциал Парфеньевского района Костромской области // под ред. С.М. Малкова. М.: Институт человека РАН, 2002.
6. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения // под ред. Б.Г. Юдина. М.: Институт человека РАН, 2002.